

ДОКЛАДЫ НА ЗАСЕДАНИЯХ СЕКЦИЙ

КЛАССЫ

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины

Статус классового анализа в современной социологии

Abstract

The main goal of this article is to prove that class analysis is quite appropriate in the study of modern societies. The author gives a substantiation of the accordance of class analysis with the essence of sociological imagination as it was considered by founders of sociology. Furthermore, he examines the changes in the status of class analysis that accompany different practices of sociological description and explanation of reality as well as clears up the origin of interrelationship between classes and available structures of inequality.

Собрав сборник в память Аге Соренсена, назвав его “Если класс является ответом, то каков вопрос? Шесть подходов в классовом анализе” и сделав в 2004 году эти тексты доступными на своем персональном сайте, Эрик Райт в заключении суммирует представления о статусе классового анализа в современной социологии. По его мнению, теоретические амбиции понятия “класс” достаточно полно удовлетворяются ответами на шесть фундаментальных для социологии вопросов: “как индивиды объективно располагаются в пространстве распределения материального неравенства?”; “чем определяется то, как люди — единолично и совместно — субъективно располагают себя в структуре неравенства?”; “что объясняет неравенство жизненных шансов и материальных условий жизни?”; “какого рода социальные разделения обостряют конфликты?”; “как нам следует характеризовать и объяснять вариации в социальной организации неравенств в разные исто-

рические эпохи?"; "какие трансформации необходимы для устранения различных форм насилия и эксплуатации в капиталистическом обществе?".

Предложенной Эриком Райтом интерпретацией вполне можно удовлетвориться, что отнюдь не означает, будто она исчерпывающа. О том же самом допустимо говорить и иначе, комбинируя различные контексты рассуждения — так недавно и поступили Майк Саваж, Алан Вэрд и Фиона Дивайн, предложив в своей статье в Британском социологическом журнале (*British Journal of Sociology*. — 2005. — Vol. 56. — № 1) переосмыслить теоретические основы классового анализа на основе трех ключевых понятий — капитал, преимущества, ресурсы. При этом реальная проблема, как представляется, состоит не в том, уместен ли все еще классовый анализ и вдохновляет ли он все еще исследователей. Тезис должен быть много категоричнее: классовый анализ не вычитается из современной социологии, из политической риторики правящих элит и обыденных представлений граждан о собственном месте в обществе и коллективной принадлежности. В обоснование данного тезиса ниже рассматриваются, во-первых, соответствие классового анализа сути социологического воображения, как оно мыслилось основателями и зачинателями дисциплины; во-вторых, отдельные изменения в статусе классового анализа; в-третьих, некоторые аспекты соотношения классов и структур неравенства в современных обществах.

Социологическое воображение порядка

Специфику социогуманитарных наук, к числу которых принадлежит социология, определяет, помимо прочего, одно немаловажное, а быть может, и наиболее существенное обстоятельство. Заключается оно в том, что круг обсуждаемых в рамках дисциплины тем (проблем), корпус которых фактически сложился уже в первой трети минувшего столетия, в ее "классический период", не остается неизменным, постепенно и неумолимо расширяясь. Таково, по крайней мере, не оставляющее большинство специалистов ощущение, которое хотя и не обосновывается соответствующими науковедческими изысканиями, но и никем по существу не оспаривается. Между тем разговор ни по одной из традиционных проблем не является исчерпанным, завершенным: волна интереса к конкретной проблематике с неясной периодичностью поднимается и спадает, обогащаясь оригинальными по содержанию вопрошаниями и предъявляемыми интерпретационными нюансами.

Объяснение такого положения дел давно превратилось в трюизм, что вовсе не ставит под сомнение его правомерность. Уже в замысле Огюста Конта, позитивистском, напомним, по своим доминантным интенциям и перспективам, социология конституирует общество в качестве своего специфического и, главное, подверженного непрерывным изменениям предмета. Марксова метафора общества как насыщенной среды, в которой интенсивно протекают процессы кристаллизации и рекристаллизации, уместна и до сих пор удовлетворительно иллюстративна. Подобной интуиции не чужд был, по всей видимости, и Макс Вебер, говоривший о социальной науке как храме, вокруг которого не снимаются строительные леса по причине перманентной его перестройки: фрагменты здания (читай — основные инструменты науки) постоянно совершенствуются.

Можно сказать и иначе. Проект науки об обществе складывается в контексте распространившегося в тогдашней, как бы мы сказали сегодня, экспертной среде чувства непереносимости социального беспорядка — никаким иным не могло быть чувство после двух десятилетий непрерывных “бури и натиска” Французской революции, наполеоновских войн и последовавшей за ними Реставрации. Философы эпоха Просвещения немало сделали для дезавуирования картины универсума как результата Творения в общих чертах своих и в мельчайших подробностях, но не преуспели в обнаружении тех оснований, на которых могла бы быть организована совместная жизнь: индивидуалистический волюнтаризм, казалось, брал верх над коллективистской солидарностью. Социальная реальность во всех своих достоверных повседневных проявлениях неудовлетворительно описывалась терминами институционализированной “войны всех против всех” Томаса Гоббса, концепцией “общественного договора” Жан-Жака Руссо или же представлениями об организованном на индустриальной основе обществе Анри Сен-Симона. Реальность, в ее мыслительных репрезентациях, являла собой бесконечные примеры беспорядка, а в генетическом плане — более или менее стремительные переходы от одного дезорганизованного состояния к другому, то есть от “прежнего” беспорядка к “новому”. Проще говоря, социология возникает как научная дисциплина, сверхзадачей которой становится выяснение условий и возможностей конструктивного разрешения конфликта между индивидуальностью и коллективностью, который становится отличительным опознавательным знаком эпохи модерна.

При всех методологических и содержательных расхождениях упомянутых выше основателей и предшественников науки об обществе все они разделяют позитивистскую парадигму. Смысл ее состоит также и в принципиальной возможности разместить наблюдателя в любой точке наблюдаемого им объекта-общества (или вынести за его пределы), то есть в возможности, во-первых, найти и занять удобную эпистемологическую позицию и, во-вторых, выявить правила, которым подчиняется (или должен подчиняться) ход вещей в мире людей. Допускалась, другими словами, некая двойная реконструкция. Прежде всего, социологии как науке вменялось в обязанность реконструировать (воспроизвести) имеющимся в ее распоряжении научными методами определенную “модель порядка”. Собственно все концептуальные построения на уровнях, по Роберту Мертону, “выше среднего” и являют собою образы социального порядка — будь то исторические типы обществ по Огюсту Конту или Фердинанду Теннису, общественное разделение труда или формы классификации Эмиля Дюркгейма, идеальные типы Макса Вебера, структура социального действия Талкотта Парсонса, типы капитала Пьера Бурдьё или же относительно недавние построения фигураций (управляющих структур) в виде порядков величия и градов Ролана Тевено и Люка Болтански.

Однако помимо этого предполагалась еще и *реконструкция*, то есть переделывание беспорядка (иногда — несправедного, несправедливого порядка) в подлинный и истинный социальный порядок. Вот почему интенции практикопреобразовательной функции никогда не угасали в социологическом дискурсе, а требование “приносить пользу” время от времени предъясняется социологии в контексте самых разных политических режимов, что сами исследователи склонны трактовать как ресурс легитимации дисцип-

лины. Конституирование социологии, скажем так, сопровождалось то более твердыми, то более мягкими обещаниями ее адептов способствовать установлению надежного социального порядка, что само по себе выглядело обещанием предсказуемости эволюции социума.

Только в последние десятилетия прошлого века, в рамках уклоняющегося от прямолинейных позитивистских предписаний о возможностях социологического познания окружающего мира, стали возможны иные постановки проблем, равно как и иные обещания. Исходной точкой было предложено брать не объект, но наши представления о мире, наши образы мира, способные эволюционировать в темпе и ритме, которые не обязательно соотносимы с имманентными пульсациями и трансформациями объекта-общества. И тогда ключевой вопрос существенно модифицируется. Уже нет побуждений и принуждений спрашивать — какие в действительности, по-настоящему, характеристики присущи или должны быть присущи тому, что мы наблюдаем. Новый вопрос формулируется так: как должен быть устроен внешний мир для того, чтобы он обладал теми характеристиками, которыми обладает. И это вопрос о картине мира, предшествующей самому миру, картине сконструированного, воображенного исследователем социального порядка.

Так уж случилось, что подлежит напоминанию принципиальное обстоятельство: уже позитивизм Огюста Конта состоял в постулировании некоей изначальной, онтологической иерархичности совместного бытия людей, неустранимости “высшего” и “низшего” из социального порядка, того, собственно, неравенства, которое с тех пор в разных конфигурациях неизменно воспроизводится в социологии. Конечно, иерархичность с сопутствующими ей доминацией, подчинением и прямым насилием издавна наблюдаема и фиксируема, она привычный пейзаж повседневной жизни, а беспорядок существует вроде бы сам по себе, безотносительно к иерархиям. Не у Огюста Конта, пожалуй, но у его ближайших последователей в задачу социологии включается открытие неравенств в качестве “управляющих структур”, явственное осознание необходимости разглядеть организацию и логику в длящемся беспорядке.

Итак, порядок представлен, прежде всего, совокупностью небезразличных друг другу разделений, которые организованы как горизонтально (социальная дифференциация), так и вертикально (социальная стратификация). Исторически, а также аналитически тремя важнейшими разновидностями разделений являются социально-групповое (классовое, слоевое), не-иерархизированные социальные различия, а также структура неравенств в виде некоторой совокупности подлежащих асимметричному распределению благ. При этом социальным различиям и классам допустимо быть рядом-положенными, но неравенства обязательно иерархичны, а потому являются структурами, управляющими поведением отдельных людей и сообществ посредством культивирования притязаний, мотиваций и целей индивидуальной или же групповой деятельности.

Таков, в первом, наиболее существенном приближении, образ социального порядка, репрезентируемый классовой структурой общества и структурой социокультурных (“горизонтальных”) различий, а также структурой неравенства (иерархией) в доступе к благам. Порядок первоначально выступает в своей описательной функции, представляя компактное, обозримое и оттого удобное в научном обиходе строение мира людей, а классы

вплоть до наших дней остаются наиболее крупными структурными единицами, определяющими морфологическое строение общества. Любопытно, что об андерклассе в социологии говорят и пишут вот уже более двух десятилетий, но о “суперклассе” (или “суперклассах”) — образованиях надклассового, более крупного масштаба — все еще ничего не слышать.

Более того, представления о классах утвердились и в популярном обиходе, а классовые схемы давно являются компонентами массового сознания: индивиды видят и воспринимают действительность сквозь призму классовых категорий — это буквальные формулировки, относящиеся к их реальному опыту. Последнее становится очевидным при ломке структурных стереотипов, как это происходило в Великобритании в начале десятилетия при переходе статистического учета на семиклассовую шкалу, а в постсоветском пространстве — в связи с изменением социально-экономических оснований хозяйствования и окончательной дискредитацией двухклассовой (рабочий класс и колхозное крестьянство), с прослойкой интеллигенции, социальной структуры социализма.

Вместе с тем описательная функция представлений о порядке стремительно разворачивается в явные операторы утверждения статуса классового анализа — в совокупность констатаций, претендующих на объяснение процессов, событий и состояний общества.

Операторы поддержания статуса классового анализа

Шесть различных подходов, представленных в сборнике под редакцией Эрика Райта, должны убеждать читателя как в жизнеспособности классового анализа, в неисчерпанности его когнитивных потенций, так и в сохранении им своего статуса в рамках дисциплины, ведь обновление традиционных подходов (“неомарксизм”, “неовеберизм”, “неодюркгеймианство”) подтверждает его непреходящую значимость. Вместе с тем некоторые утраты состоялись, кое-что окончательно, по всей видимости, деактуализировано, но это, скорее, события не столько в ряду статусных потерь, сколько в плане “очищения” статуса от неорганичных привнесений.

Место, так сказать, классового анализа незыблемо именно ввиду того, что социология возможна только в качестве научной дисциплины о разделенном пространстве совместной жизни людей. Или, по-другому, неэлиминируемая историческим ходом вещей фактичность неравенства гарантирует устойчивость подобного места, а классовому анализу как бы предписано его занимать. Однако инвестиции в статус имели еще два, скажем так, оператора, роль которых подвергалась теоретической ревизии и переосмыслению. Первый назовем “атрибуция социально-исторической значимости классов”, второй — “атрибуция эпистемологической значимости классов” и в такой последовательности кратко охарактеризуем их.

Атрибуция социально-исторической значимости классов. Наиболее полно осуществлена в “Манифесте Коммунистической партии” Карла Маркса и Фридриха Энгельса и представляла собой позитивное обоснование материалистического понимания истории: развернутое во времени прогрессивное преобразование социально-экономического устройства общества (сферы производства материальных благ с ее важнейшим разделением по владению собственностью) в результате перманентной борьбы классов за

передел собственности. Вместе с тем движение истории оказывалось процессом самоуничтожения прежних классов и формированием новых, вступавших в антагонистический конфликт вследствие неравного обладания собственностью. Причем вводилось деление на “основные” и “промежуточные” классы, но именно конфликт “основных” определял параметры исторического процесса и скорость распада неосновных классов. И наконец, завершающий историю развития классовых обществ антагонизм между буржуазией и рабочим классом приводит к тому, что исторически последний прогрессивный класс — рабочий класс — одерживая верх (экспроприируя экспроприаторов), освобождает как себя, так и “промежуточные” классы общества от владения собственностью.

Итак, в обобщенном и упрощенном, разумеется, виде атрибуция социально-исторической значимости классов (и классового анализа) состояла в следующем: а) в выделении общественного устройства самой важной сферы, в которой вырабатываются жизненные блага и длится перманентный конфликт за передел собственности; б) в указании на энергетику движения истории (классовая борьба), а также на то, что длящийся конфликт фактически не дает распасться обществу, обеспечивая его устойчивость и прочность; в) в акцентуации процесса прогрессивного самообновления классовой структуры общества в ходе конфликта; г) в подчеркивании эмансипационного потенциала рабочего класса, решающим историческим действием которого оказывается уничтожение предпосылок для воспроизводства классового общества и таких надстроек над пространством человеческого общежития, как, например, государство; д) классовое деление — деление на большие группы — оказывалось также идеологическим обоснованием власти: трехчленное деление общества на *oratores, bellatores, laboratores* (служители церкви, воины, работники), появившееся в конце IX века и утвердившееся в XII, становится, по мнению Жака Ле Гоффа, органическим элементом монархической идеологии и связывается со становлением национальных монархий, а в СССР трехчленное деление обосновывало власть коммунистической партии как авангарда рабочего класса.

Из элементов этой атрибуции полную значимость сохранил только первый — классы неизменно соотносят в социологии со сферой экономики. В неомарксизме, понятно, все еще приняты тезисы об эксплуатации и конфликте на основе неравного распределения собственности. Но это, пожалуй, в основном и все. В свете распространившихся в конце прошлого века идей о завершении жизненного пути “истории”, “класса” (и в целом социальных акторов), а также “общества”, реанимация социально-исторической значимости классов считается предприятием не столько безнадежным, сколько лишенным смысла, как о том весьма убедительно говорил в 2002 году на XV Всемирном социологическом конгрессе в Брисбене Ален Турен в своем докладе “Социология без общества”.

Атрибуция эпистемологической значимости классов. Она также отчасти укладывается в первую половину XIX века, а значит, вступает с первой атрибуцией во взаимодействие и переклички. Позитивной наукой об обществе в то время были политическая экономия — наука о том, каким правилам подчиняются производство и распределение материального богатства, а также отношения между людьми в этих процессах. Основными субъектами интеракций, как говорим мы сегодня, тут являются классы: приоритет английских

политэкономов здесь никогда не ставился под сомнения, а сам термин “классы” применительно к обществу также впервые, по некоторым свидетельствам, появляется в английских юридических документах. Несомненно, что осуществленная политэкономами идентификация субъекта оказывается, помимо всего прочего, признанием его эпистемологической значимости.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс сделали нечто большее. Задавшись вопросом “существует ли такое положение наблюдателя (= исследователя), которое способствует аутентичности понимания и объяснения хода вещей в мире людей?”, свой ответ они развернули в доктрину, известную как марксизм. Для них, задолго до Альберта Эйнштейна, стало ясно, что далеко не безразлична позиция наблюдателя, что в структуре социальной реальности наличны эпистемологически привилегированные локусы, нахождение в которых обеспечивает преимущества в описании и интерпретации действительности. Преимущества двоякого рода: во-первых, именно оттуда наилучшим образом видны изъяны и недостатки общественного устройства, и во-вторых, обоснованное знание о таких изъянах и недостатках становится программой социального действия по переконструированию имеющегося социального порядка. Репрессируемые и дискриминируемые социальные общности (классы, слои, группы) представляют собой подобные эпистемологически привилегированные локусы, открывающие перспективу отчетливого, зримого восприятия социальных дефектов и слабостей.

Оружие социальной критики продолжает выковываться именно там вплоть до настоящего времени. В подтверждение достаточно напомнить успехи разного рода социальных движений, например феминизма. Есть и более свежие примеры. Самовоспроизводимость неравенств, сохранение ими социальной значимости продолжают оставаться источником социальной обеспокоенности в странах либеральной демократии. Скажем, тема социального исключения (экслюзии), активно обсуждавшаяся в социологических кругах в последнее десятилетие прошлого столетия становится предметом социальной политики в правительстве Тони Блэра в 1997 году. Кстати, в том же году при Лондонской школе экономики создается Центр анализа социального исключения (CASE) — явно для научного обоснования политического действия, направленного на устранение очевидных несправедливостей в рамках существующего социального порядка и развернутого плана государственного протекционизма в отношении прежних и новых “слабых” социальных категорий. Здесь, чаще всего, удается обойтись без откровенного напоминания об эффективности практической функции социологии, но это и так легко прочитывается.

В современной социологии эпистемологическая значимость класса резюмирована Эриком Райтом в заключении к упомянутому сборнику статей в формат возможных ответов на шесть фундаментальных вопросов. Классы остаются (или нам бы хотелось, чтобы они оставались) “независимой переменной” — тем, что определено вроде бы вне структур неравенства и каким-то весьма таинственным образом сохраняет и внезапно предъявляет объяснительный потенциал, долженствующий убедить специалистов и досужих читателей в “независимости” данной переменной. Но социологической традицией, сполна представленной в формулировках вопросов Эриком Райтом, классы постоянно соотносятся с неравенством, как бы невольно, но вместе с тем основательно проблематизируя постулат о “независимости”.

Факт зависимости, хотя и не проговоренный в общем и в деталях, а потому латентный, побуждает предпринимать усилия и выявлять управляющий поведением индивидов и общностей потенциал неравенств.

Структуры управляющих неравенств

Капитал — такова наиболее распространенная метафора неравенств, вспоминаем ли мы политэкономический труд Карла Маркса, апеллируем ли к капиталистической революции в интерпретации Питера Бергера, или же замороженно наблюдаем за интригующим процессом ассоциаций и диссоциаций капиталов в “полях” Пьера Бурдьё. Как бы то ни было, капитал, безусловно, ранжирующая и управляющая структура, однако далеко не единственная: в социологическом наследии легко обнаруживаемы другие подходы к анализу неравенств, а также разные метафоры неравенств.

Одна из них отсылает к представлению о совокупности первичных общественных благ — жизненно необходимых предпосылок, формирующих пространство совместного существования людей согласно правилам неравенств и образующих, как мог бы сказать Джон Роулз, базовую структуру общества. Возможность подобного рода форматирования обусловлена принципиальной особенностью первичных социальных благ — неизживаемой дефицитарностью. Это означает, что их невозможно распределить между социальными акторами (сообществами, слоями, классами) в более или менее равных пропорциях. Именно дефицитарность таких общезначимых ценностей оказывается самой обстоятельной причиной существования социального неравенства и его постоянного воспроизводства, она как бы “излучает” неравенство. В результате неравенство в любых типах общества фактично и наглядно, тогда как равенство скрыто в складках неравенств, подлежит обнаружению и доказательству.

Дефицитарность возводит блага в статус управляющих структур. Обладание благами может быть, понятно, делом престижа для индивидов и групп, но по своей сути является непреходящим условием самообнаружения субъектами себя в системе взаимной зависимости и соотнесенности, называемой обществом. В таком качестве они становятся объектами желаний, стремлений и вожделений, тем, что Пьер Бурдьё именовал диспозициями: занесенными в субъективность ориентирами актуального или же только будущего действия.

Причем дефицитарность первичных социальных благ такого качества, что полностью исключается ситуация, в которой они могли бы стать объектами свободной конкуренции между классами, группами, отдельными индивидами. Напротив, социальные институты общества выступают регуляторами (ограничителями) свободной конкуренции, устанавливая и видоизменяя время от времени, режимы доступа к благам. Выбор концепта, как убеждает данный пример, отнюдь не безобиден. Так, слово “доступ” маркирует существование *возможности* вступить в обладание, наличие перспективы успешного действия. Между тем допустимо сказать, что институты “распределяют” блага, но тогда следует отдавать отчет в переносе акцента на *зависимость* индивидов и групп от волонтаризма институтов, в открытии перспективы патернализма, несамодостаточности индивидов и их объединений. Но и в пер-

вом, и во втором случае принцип тождественен: блага посредством социальных институтов представляют собой управляющие структуры.

Пять такого рода первичных социальных благ достаточно полно, на наш взгляд, репрезентируют традицию социологического дискурса о неравенстве. Это то, по поводу чего в обществе ведутся постоянные дискуссии на предмет достижения согласия или же артикуляции несогласий. В нижеследующем описании их порядок произволен, они рядоположены, не иерархизированы.

А. **Значимость** — благо, побуждающее и даже требующее от субъектов социального действия добиваться признания. И не просто признания присутствия или существования, а значимости *нормированной*, которая позволяет легитимно, без дополнительных оправданий, оценивать отношение к себе или действия по отношению к себе в терминах “правильности”, “допустимости”, “обоснованности”, а также, что особенно важно, *претендовать* на соответствующие блага и добиваться их.

Так, еще тридцать лет тому назад невозможно было представить пребывание на высоких постах во власти представителей сексуальных меньшинств, а сегодня уже известны подобные примеры. Между тем турки в Германии не являются гражданами (нулевая значимость как граждан), и им закрыт доступ к участию в конкуренции за отдельные первичные социальные блага. Признанная значимость (признанность), кроме того, является источником и *самоуважения* индивидов и групп, и уважения к ним со стороны общества. Повышенное вознаграждение за признанную важность профессии для общества было положено Уильямом Девисом и Робертом Муром в основу их структурно-функциональной теории стратификации. Хотя названная концепция подвергалась резкой и небезосновательной критике, этим не отменяется тот эмпирический факт, что приоритеты в вознаграждении устанавливаются и с учетом различным образом понимаемой и интерпретируемой “значимости”.

Наконец, только нормированная значимость, или, что то же самое, значимая нормативность оказывается и генератором и условием возможности такого феномена, как *доверие*. В отсутствие значимости способен сложиться комплекс разнообразных соотношенностей, но только не отношения доверия — отношения не ожидающего дополнительных гарантий успешного взаимодействия субъектов, когда взаимное расположение предоставляет шанс положиться друг на друга без требования подтвердить надежность. Доверие тут оказывается формой солидарности между разными и неравными.

Б. **Честь/слава** — одно из трех первичных благ, упомянутых Максом Вебером в известном фрагменте о стратификации, предопределяющее распределение общественного уважения на основе безукоризненной *репутации* и очевидной добропорядочности. Как историку ему были хорошо известны и неравномерное распределение чести и славы, и напряжение конкуренции за право владения этим благом в средневековом обществе. Конструирование и разрушение репутаций совершается и на наших глазах — как это все еще возможно проследить на примере двух последних политических кампаний в Украине — президентской 2004 года и парламентской 2006 года. Кроме того, в эмпирических исследованиях представления о чести и славе издавна редуцированы к *престижу* профессий и занятий: тому уважению, которым они пользуются в обществе. В отечественной социологии они до-

полнялись изучением *привлекательности* профессий среди выпускников общеобразовательных школ.

В. Знание/информация. Еще в построениях теоретиков постиндустриального общества знание признавалось основной осью неравенства, в соответствии с которой формировалась новая социальная структура общества, а доминантными фигурами “новой современности” становились носители знания и компетентности. Неравенство по уровню компетентности, или, как столь же часто говорят, по уровню квалификации, широко используется в эмпирических исследованиях для различения “профессионалов” и неспециалистов, обслуживающего персонала.

В так называемом “информационном обществе”, которое, по мнению большей части политологов и социологов, приходит на смену обществу “индустриально-промышленному”, имеет место *цифровое неравенство* на межгосударственном уровне, чем вводится в обсуждение “новое”, глобальное измерение неравенства. В современном мире производство знания является слишком дорогим, а его организация возможна для государств, имеющих значительный социально-экономический потенциал, и разрыв между производителями знаний и производителями предметов потребления грозит превратиться в непреодолимый. С другой стороны, хотя продуцирование информации является массовым процессом, однако принятие стратегических политических и экономических решений происходит в условиях ее осязаемого дефицита, а своим следствием имеет углубление — нередко непреднамеренное — неравенства внутри отдельных обществ.

Г. Богатство — благо, неравномерное распределение которого имеет место при любой общественной организации и политическом режиме. Оно не сводится к тривиальному владению собственностью, деньгами, имуществом, хотя именно в стратификационном анализе собственность и доход обуславливают неравенство классов “богатых” и “бедных”. Уже в марксистской концепции *источников* богатства — собственности и труда — задается классовое разделение социума, не отрицаемое и современными эмпирическими исследованиями. Богатство органично включено в теоретически и эмпирически плодотворные операционализации в рамках концепций социального капитала и культурного капитала. Здесь полное доверие традиции наиболее уместно: не кто иной, как Макс Вебер, представил культурное богатство в виде протестантской этики в качестве источника материального благосостояния, быть может, навсегда утвердив в социологии тезис, что ценности — это и сила, и власть (хотя бы над самим собой).

Д. Власть административная и политическая — непосредственно управляющее благо согласно классическому определению власти как способности проводить собственную волю вопреки сопротивлению других, а на современном материале подробно рассмотренное Никласом Луманом. В контексте социологических исследований рассматривалась как универсальное средство установления иерархий *подчиненности, зависимости, доминирования, селекции, социальных номинаций*. В контексте индустриального общества Ральфа Дарендорфа именно власть является источником формирования классового общества.

В социологической перспективе перечисленные блага представляют собой, бесспорно, группообразующие инстанции. При этом возникающие группы организуются в определенный иерархический, и ни в какой иной,

порядок. Они, таким образом, являются механизмами ранжирования (приписывания рангов). Применительно к каждому не только возможна, но обязательна оценка *доступности*. Собственно, неравенство выступает на поверхности социальной жизни как иерархический доступ к конкретным первичным благам: то ли в их буквальных воплощениях, как это бывает с властью, то ли, что в практике опросов или наблюдений за процессами, состояниями и событиями встречается значительно чаще — доступ к операционально определенным на их основании конкретизированным (производным) благам. Очевидно, что ранжирование и доступ являются характеристиками, релевантными не отдельным индивидам, а совокупности индивидов (сообществам, прослойкам, классам). Именно они конкурируют за ограниченные блага в попытке обратить их в *ресурсы* собственного воспроизводства и развития. Однако сама конкуренция ведется не только ради перераспределения, но и оказывается механизмом устранения предыдущей и перехода к новой дефицитарности. Наглядным это становится на примере производства новых вещей: оснащенность современных производств позволяет стремительно удешевлять товар (делать его более доступным), но вновь произведенное изначально в дефиците, что справедливо для знаний, информации, технологий и, в меньшей степени, для предметов массового потребления.

Как представляется, статусу классового анализа в ближайшей перспективе ничего не угрожает. Великобритания перешла в статистике к отработанной в социологии схеме. Страны Евросоюза также используют единую классовую схему статистического учета на основе Международного классификатора профессий. Те же самые десять классов фиксируются и в сравнительном Европейском социальном исследовании, во втором этапе которого участвовали и социологи Украины, что заметно расширяет возможности сравнительных описаний и объяснений. Монументальность, неколебимая фактичность неравенств гарантирует поддержание как социального спроса на конкретные данные, предваряющие и обосновывающие планируемое политическое действие, так и постоянство исследовательского интереса к проблематике классовых неравенств.